



Взаимосвязь нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами социально-экономической сферы стратегий принуждения или ненасилия

В. Г. Маралов¹✉, М. А. Кудак¹, О. В. Смирнова¹, В. А. Ситаров²,
И. И. Корягина³, Л. В. Романюк⁴

¹ Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Российская Федерация

² Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация

³ Ивановская государственная медицинская академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации, г. Иваново, Российская Федерация

⁴ Московский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
✉ vgmaralov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность проблемы обусловлена значимостью формирования способности к ненасильственному взаимодействию у студентов социально-экономической (помогающей) сферы как важнейшей профессиональной компетенции, что предполагает изучение факторов и условий ее становления и развития. Цель исследования – выявление взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами – будущими медиками, психологами, педагогами-психологами в процессе взаимодействия стратегий принуждения или ненасилия.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 334 студента российских вузов из Москвы, Череповца, Иванова. В качестве диагностического инструментария использовался авторский опросник на выявление у студентов позиций взаимодействия, опросник Карвера – Уайта в адаптации Г. Г. Князева, опросник диагностики пяти факторов личности в адаптации Л. Ф. Бурлачука и Д. К. Королева, шкала «Моральная нормативность» опросника «Адаптивность» Маклакова – Чермянина. Математическая обработка проводилась с использованием корреляционного анализа, применялся ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования. В результате исследования было установлено, что выбор студентами в процессе взаимодействия стратегии принуждения связан с высоким уровнем активации поведения, низкими уровнями доброжелательности, добросовестности и моральной нормативности. Выбор стратегии манипулирования коррелирует с высоким нейротизмом. Ненасилие обнаружило положительную связь с доброжелательностью, добросовестностью и моральной нормативностью, отрицательную – с нейротизмом. Невмешательство отрицательно коррелирует с системой активации поведения и положительно – с системой торможения поведения, а также с нейротизмом, интроверсией и закрытостью опыту, а также низкой добросовестностью.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты вносят определенный вклад в понимание проблемы взаимосвязи выбора студентами в процессе взаимодействия стратегий принуждения или ненасилия с нейропсихологическими и личностными факторами, что дает возможность разрабатывать специальные программы, направленные одновременно и на обучение способам ненасильственного взаимодействия, и на развитие некоторых личностных качеств с учетом индивидуальной выраженности систем активации и торможения поведения.





Ключевые слова: принуждение, манипулирование, ненасилие, невмешательство, система активации поведения, система торможения поведения, моральная нормативность, пятифакторная модель личности

Благодарности: авторы выражают благодарность редакции и рецензентам за внимательное отношение к статье и указанные замечания, которые позволили повысить ее качество.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Взаимосвязь нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами социэкономической сферы стратегий принуждения или ненасилия / В. Г. Маралов [и др.] // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2. С. 247–265. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.247-265>

Original article

Interrelation of Neuropsychological and Personality Factors with the Choice of Strategies of Coercion or Nonviolence among Students of the Socioeconomic Sphere

V. G. Maralov^a✉, M. A. Kudaka^a, O. V. Smirnova^a, V. A. Sitarov^b,
I. I. Koryagina^c, L. V. Romanyuk^d

^a Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

^b Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^c Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Ivanovo, Russian Federation

^d Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
✉ vgmaralov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The urgency of the problem is caused by the importance of formation of ability to non-violent interaction in students of socioeconomic (helping) sphere as the most important professional competence that assumes study of factors and conditions of its formation and development. The aim of the research is to identify the relationship between neuropsychological and personal factors with the choice of students – future medical, psychological, pedagogical psychologists in the process of interaction strategies of coercion or nonviolence.

Materials and Methods. The study involved students from a number of universities in the Russian Federation: Moscow, Cherepovets, Vologda region, Ivanovo, Ivanovo region. In total – 334 people. As a diagnostic tool, the author's questionnaire was used to identify the positions of interaction among students, the Carver – White questionnaire in the adaptation of G. G. Knyazev, the questionnaire for the diagnosis of five personality factors in the adaptation of L. F. Burlachuk and D. K. Korolev, the scale “Moral normativity” questionnaire “Adaptability” Maklakov – Chermnyanin. Mathematical processing was carried out with the help of correlation analysis; Spearman's rank correlation coefficient was also used.

Results. It was established that the choice of coercion strategy by students in the process of interaction is associated with a high level of behavioral activation, low levels of benevolence, conscientiousness and moral normativity. The choice of manipulation strategy, in addition to this, is correlated with high neuroticism. Non-violence is positively associated with benevolence, conscientiousness, and moral normativity, and negatively to neuroticism. Noninterference correlates negatively with the Behavioral Inhibition System and positively with the Behavioral Inhibition System, as well as with neuroticism, introversion and closeness to experience and low conscientiousness.

Discussion and Conclusion. The obtained results make a certain contribution to understanding of the problem of the relationship between students' choice in the process of interaction of strategies of coercion or nonviolence with neuropsychological and personal factors, which makes it possible to develop special programs aimed simultaneously at teaching methods of nonviolent interaction, and at the development of certain personal qualities, taking into account individual severity. systems of activation and inhibition of behavior.

Keywords: coercion, manipulation, non-violence, non-interference, behavior activation system, behavior inhibition system, moral normativity, five-factor personality model

Acknowledgments: The authors would like to thank the editorial board and reviewers for their attentive attitude to the article and the indicated comments, which have made it possible to improve its quality.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Maralov V.G., Kudaka M.A., Smirnova O.V., Sitarov V.A., Koryagina I.I., Romanyuk L.V. Interrelation of Neuropsychological and Personality Factors with the Choice of Strategies of Coercion or Nonviolence among Students of the Socioeconomic Sphere. *Integration of Education*. 2022;26(2):247–265. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.247-265>

Введение

Принцип ненасилия – это непринятие принуждения как способа взаимодействия человека с окружающим миром и с другими людьми, выбор таких действий, которые не наносят противоположной стороне ущерба и вреда, способствуют повышению уровня физического, психологического здоровья и благополучия, мирному разрешению проблем и конфликтов¹. Большое внимание проблемам ненасилия уделяется в психологии, где сложилось ряд самостоятельных направлений: психология мира² [1], психология ненасилия³ [2], психология миролюбия⁴, психология нонкиллинга (неубийства)⁵, психология смирения [3].

Жизнь человека проходит в процессе постоянного взаимодействия с другими людьми. При этом возникают противоречия, которые могут разрешаться посредством принуждения или его пассивной формы – манипулирования, а также с помощью ненасилия или его пассивной формы – смирения (невмешательства). Следовательно, в ходе взаимодействия, которое носит проблемный, напряженный или конфликтный характер индивид может

занимать четыре основные позиции: принуждения, манипулирования, ненасилия, смирения (невмешательства), выбирать соответствующую стратегию поведения [4]. С точки зрения эффективности деятельности, общения и безопасности людей выбор ненасилия в качестве приоритетной стратегии взаимодействия признается большинством современных ученых⁶.

Способность к ненасильственному взаимодействию – важнейшая составляющая профессиональных компетенций представителей социономической (помогающей) сферы профессиональной деятельности [5], проявляющаяся в просоциальном поведении [6]. Например, учителей, врачей, психологов нельзя считать профессионально грамотными специалистами, если они не способны к терпимости, эмпатии, ненасильственному взаимодействию с детьми, больными, клиентами. Овладение способами ненасильственной коммуникации выступает в качестве эффективного средства развития соответствующих профессиональных компетенций и личностных характеристик [7; 8].

Каждый человек в процессе взаимодействия с людьми может занимать

¹ Herman T. Seven Forms of Nonviolence for Peace Research: A Conceptual Framework // *Perspectives on Nonviolence. Recent Research in Psychology* / Ed by V. K. Kool. New York : Springer, 1990. P. 140–149. doi: https://doi.org/10.1007/978-1-4612-4458-5_15; Mayton D. Theories of Nonviolence. In: *Nonviolence and Peace Psychology*. Peace Psychology Book Series. New York : Springer, 2009. 292 p. doi: https://doi.org/10.1007/978-0-387-89348-8_3

² Christie D. J., Wagner R. V., Winter D. D. Introduction to Peace Psychology // *Peace, Conflict, and Violence: Peace Psychology for the 21st Century*. Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 2001. P. 1–25. URL: <https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/u.osu.edu/dist/b/7538/files/2014/10/Table-of-Contents-13d9h81.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Mayton D. Theories of Nonviolence.

⁴ Sims G., Nelson L., Puopolo M. (eds.) *Personal Peacefulness: Psychological Perspectives*. Vol. 20. New York : Springer, 2014. 285 p. doi: <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-9366-2>

⁵ *Nonkilling Psychology* / Ed. by D. J. Christie, J. E. Pim. Honolulu, Hawaii. Center for Global Nonkilling, 2012. 387 p. URL: <https://www3.nd.edu/~dnarvaez/documents/JunkinsNarvaez2012nkpsy.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

⁶ Harris G. Violence or Nonviolence? A Comparison of Costs and Effectiveness // *Infrastructures for Peace in Sub-Saharan Africa* / Ed. by M. Hove, G. Harris. Springer, Cham, 2019. P. 37–51. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14694-8_3



любую из названных позиций и выбирать соответствующую стратегию поведения. Исследования показывают, что в качестве психологических характеристик, связанных с выбором означенных стратегий, могут выступать факторы так называемой «Большой пятерки» черт личности: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и добросовестность [9], которые, согласно ряду работ [10; 11], тесно связаны с нейропсихологической системой активации поведения (Behavioral Activation System – BAS) и нейропсихологической системой торможения поведения (Behavioral Inhibition System – BIS).

Указанные публикации не дают полной картины о психологических особенностях личности, склонной, например к манипулированию или насилию, что и послужило стимулом для организации настоящего исследования. Учитывая тот факт, что принятие решения об использовании той или иной стратегии во многом определяется усвоенными человеком нормами и правилами поведения, то логично было предположить, что выбор стратегий взаимодействия будет связан также и с уровнем нормативности поведения. Нормативность поведения – внутренняя мотивированность индивида к соблюдению норм [12] и одновременно качество освоения нормы [13]. Разновидностью нормативности поведения является моральная нормативность, проявляющаяся в соблюдении этических норм и правил [14].

Таким образом, актуальность заявленной проблемы исследования обусловлена значимостью для современной психологии выявления взаимосвязей нейропсихологических и личностных факторов с выбором людьми, в данном случае студентами, стратегий поведения в процессе взаимодействия, проявляющихся либо в использовании принуждения в его активной или пассивной форме, либо ненасилия в его активной или пассивной форме. Решение этой проблемы даст возможность, с одной стороны, глубже понять закономерности становления личности агрессивного или миролюбивого типа, с другой – разрабатывать специальные программы развивающего характера,

направленные одновременно и на обучение выбору ненасильственных действий, и на формирование адекватных такому выбору личностных характеристик.

Цель настоящей работы – выявление взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами социомической сферы в процессе взаимодействия с людьми стратегий принуждения, манипулирования (пассивная форма принуждения) ненасилия и невмешательства (пассивная форма ненасилия).

Были сформулированы следующие частные гипотезы:

1) выбор принуждения в качестве стратегии взаимодействия может быть взаимосвязан с системой активации поведения (BAS), с низкими уровнями доброжелательности, добросовестности и моральной нормативности поведения;

2) выбор манипулирования может быть связан с теми же факторами, но сопровождаться негативными эмоциями, обуславливающими поиск опосредованного влияния на личность;

3) выбор ненасилия в качестве стратегии взаимодействия может быть взаимосвязан как с системами активации и торможения поведения (BAS/BIS), так и с личностными качествами, в первую очередь с высоким уровнем доброжелательности, добросовестности, моральной нормативности поведения;

4) выбор невмешательства в качестве стратегии взаимодействия может быть связан с активацией системы торможения поведения (BIS), нейротизмом, интроверсией, низкой открытостью опыту, низкой доброжелательностью и моральной нормативностью поведения.

Обзор литературы

В ходе взаимодействия с другими людьми человек может занимать различные позиции и выбирать в зависимости от ситуации разные стратегии, в том числе и стратегии, связанные с принуждением или использованием ненасилия. Какой стратегии будет отдано предпочтение, зависит от многих ситуативных и личностных факторов, а также от характера взаимосвязи с определенными чертами личности.

В частности, А. Д. Фаррелл с коллегами [15] показали, что выбор подростками принуждения (борьбы) или ненасилия в процессе взаимодействия со сверстниками связан с навыками решения проблем, способностью к регулированию эмоций, просоциальными ценностями и убеждениями, а также с оценкой их выбора значимыми другими [16], где немаловажную роль играют родительские послания [17]. Манипулирование положительно коррелирует с независимостью, агрессивностью и импульсивностью, низким самоконтролем, неспособностью доводить начатое дело до конца [18]. В других исследованиях установлено, что выбор принуждения, манипулирования, ненасилия или невмешательства связан такими личностными характеристиками, как раздражительность к людям, стереотипность, доверие к себе, чувствительность к человеку (интерес к человеку, эмпатия, понимание, помощь), отношение к опасностям и др. [19; 20].

Имеется также ряд исследований, в которых целенаправленно предпринимается попытка выявить взаимосвязь выбора стратегии ненасилия с личностными факторами так называемой «Большой пятерки» [21]. Эта модель включает в себя экстраверсию, нейротизм, доброжелательность, открытость опыту, добросовестность. Д. М. Мэйтон с коллегами⁷, Р. Ашраф и И. Фатима [9] выявили положительную связь ненасилия с тремя качествами: доброжелательностью, добросовестностью и экстраверсией.

К нейропсихологическим факторам поведения человека, согласно пересмотренной теории чувствительности к подкреплению Дж. Грей⁸ [22], относят системы поведенческого торможения (BIS), поведенческой активации (BAS), «Борьба – Бегство – Замораживание (Замирание)» («Fight, Flight, Freezing System» – FFFS). Доказано, что BAS связана с проявлениями агрессии, борьбой, использованием различных форм принуждения [23; 24],

а BIS – с повышенной тревожностью, неадаптивными мыслями, что отражается на выборе стратегии невмешательства [25]. Манипулирование не обнаруживает выраженной связи ни с BAS, ни с BIS [26]. Относительно взаимосвязи BAS/BIS с выбором стратегии ненасилия нельзя сделать однозначных выводов, поскольку сами ненасильственные действия носят разноплановый характер. Сотрудничество как ненасильственное действие отрицательно коррелирует с BIS [27], сложное ненасильственное действие как прощение других и прощение себя положительно коррелирует с BAS, прощение себя отрицательно коррелирует с BIS [28].

Проблема влияния социальных норм на поведение и отношения людей активно обсуждается в современной психологии [29]. Исследуется связь альтруистического поведения с моральными обязательствами⁹, нормативного поведения и сотрудничества [30], нормативного поведения и выстраивания безопасных отношений [31]. При этом отмечается, что просоциальные поступки могут быть мотивированы далеко не всегда альтруистическими мотивами и побуждениями (см., например, Б. Крае и И. Мёллер [32]), т. е. приводить к выбору стратегии манипулирования. С другой стороны, высокий уровень просоциальности личности оказывает положительное влияние на становление нормативности поведения [33], а высокий уровень общих и специальных норм ненасилия, в свою очередь, способствует развитию позитивных социальных навыков учащихся [34].

Таким образом, в современной психологии проблема взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов с принятием личностью в процессе взаимодействия различных позиций и использования соответствующих стратегий вызывает определенный интерес. В то же время в большей степени исследованы взаимосвязи принуждения, манипулирования, ненасилия и невмешательства

⁷ Mayton D. M. Theories of Nonviolence.

⁸ Gray J. A., McNaughton N. The Neuropsychology of Anxiety: An Enquiry into the Functions of the Septo-Hippocampal System (2nd ed.). Oxford : Oxford University Press, 2000. 443 p.

⁹ Schwartz S. H. Normative Influences on Altruism // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by L. Berkowitz. New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1977. Vol. 10. P. 221–279.



с личностными факторами, чем с нейропсихологическими, особенно это касается неоднозначности выводов относительно взаимосвязи BAS/BIS с манипулированием и насилием, что послужило дополнительным стимулом для организации и проведения настоящего исследования.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 334 студента – будущих медиков, психологов, педагогов-психологов Московского городского педагогического университета, Московского гуманитарного университета, Череповецкого государственного университета, Ивановской государственной медицинской академии. Из них мужчин – 60 чел. (18 %), женщин – 274 чел. (82 %). Возраст респондентов – от 17 до 28 лет. Средний возраст: $M = 19,32$; $SD = 2,17$. Студентов-медиков – 140 чел. (41,92 %), студентов-психологов и педагогов-психологов – 194 чел. (58,08 %). Исследование проводилось в сентябре – ноябре 2021 г. на добровольной основе.

Методологическую основу исследования составил системный подход, который предполагает системный анализ изучаемых параметров, в данном случае стратегий взаимодействия, нейропсихологических и личностных качеств студентов в их сложной взаимозависимости и взаимосвязи. В работе использован комплекс взаимодополняющих теоретических и эмпирических методов исследования, а также методов математической обработки данных. С целью сбора эмпирического материала был использован авторский опросник на выявление у студентов предпочитаемых позиций, занимаемых в ходе взаимодействия с другими людьми, опросник диагностики пяти факторов личности в адаптации Л. Ф. Бурлачука и Д. К. Королева, русскоязычная версия опросника Карвера – Уайта в адаптации Г. Г. Князева, тест «Адаптивность» Маклакова – Чермянина (шкала «Моральная нормативность»).

Опросник на выявление позиций взаимодействия [35] содержит 40 вопро-

сов-утверждений, дифференцирующих людей по четырем шкалам: принуждению, манипулированию, насилию и невмешательству. По каждой шкале подсчитывался суммарный балл, который затем переводился в стандартную шкалу. За высокие баллы принимались значения от 7 до 10 баллов, средние – от 5 до 6 баллов, низкие – 1–4 балла.

Личностные качества изучались с использованием диагностического опросника пяти качеств личности («Большой пятерки») в адаптации Л. Ф. Бурлачука и Д. К. Королева [36]. Испытуемым предлагалось оценить у себя 25 пар противоположных качеств в пятибалльной шкале, которые дают возможность судить об уровне выраженности пяти свойств личности: экстраверсии, доброжелательности (склонности к согласию), добросовестности, нейротизма, открытости опыту. Первичные данные переводились в стандартную десятибалльную шкалу.

С целью диагностики системы активации поведения (BAS) и системы торможения поведения (BIS) использовалась русскоязычная версия опросника Карвера – Уайта в адаптации Г. Г. Князева [37; 38]. Он состоит из 24 утверждений и включает в себя три шкалы BAS («Настойчивость», «Чувствительность к награде», «Поиск удовольствий») и одну шкалу BIS («Чувствительность к негативным стимулам»). Суммарные баллы по всем показателям также переводились в стандартные десятибалльные шкалы.

Нормативность поведения выявлялась с помощью теста «Адаптивность» Маклакова – Чермянина (шкала «Моральная нормативность»)¹⁰, включающего в себя 27 утверждений, с которыми респонденту необходимо выразить согласие либо несогласие. Полученные баллы суммируются в соответствии с ключом, а затем переводятся в стандартную десятибалльную шкалу.

Математическая обработка проводилась с использованием корреляционного анализа, применялся ранговый коэффициент корреляции Спирмена со связанными рангами (r_s).

¹⁰ Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Под ред. Д. Ю. Райгородского Самара : БАХРАХ-М, 2006. С. 549–672.



Результаты исследования

Обратимся к основным результатам исследования. В первую очередь охарактеризуем выборку испытуемых по всем изучаемым параметрам. Результаты отражены в таблице 1.

Анализ выбора студентами различных стратегий в процессе взаимодействия (табл. 1) показал, что преимущественной стратегией является ненасилие, ее часто

использует 45,81 % (153 чел.). Тем не менее 24,25 % (81 чел.) могут использовать принуждение и 23,35 % (78 чел.) – манипулирование. 37,13 % (124 чел.) испытуемых предпочли не вмешиваться в ход событий. При этом чаще всего люди используют не одну, а несколько стратегий. Например, принуждение наряду с манипулированием, ненасилие совместно с невмешательством и др.

Т а б л и ц а 1. Уровни выраженности стратегий взаимодействия, нейропсихологических и личностных факторов у студентов

Table 1. Levels of expression of interaction strategies, neuropsychological and personality factors in students

Характеристика / Characteristics		Уровень / Level			Всего / Total
		Высокий / High	Средний / Medium	Низкий / Low	
Принуждение / Coercion	n	81	100	153	334
	%	24,25	29,94	45,81	100
Манипулирование / Manipulation	n	78	102	154	334
	%	23,35	30,54	46,11	100
Ненасилие / Nonviolence	n	153	106	75	334
	%	45,81	31,74	22,45	100
Невмешательство / Non-interference	n	124	129	81	334
	%	37,13	38,62	24,25	100
BAS-настойчивость / BAS-drive	n	204	118	12	334
	%	61,08	35,33	3,59	100
BAS-поиск удовольствий / BAS-fun seeking	n	152	171	11	334
	%	45,51	51,2	3,29	100
BAS-отзывчивость на вознаграждения / BAS-reward responsiveness	n	253	79	2	334
	%	75,75	23,65	0,6	100
BIS-чувствительность к негативным стимулам / BIS-sensitivity to negative stimuli	n	115	164	55	334
	%	34,43	49,1	16,47	100
Нейротизм / Neuroticism	n	94	206	34	334
	%	28,14	61,68	10,18	100
Экстраверсия / Extraversion	n	28	209	97	334
	%	8,38	62,57	29,05	100
Открытость опыту / Openness	n	18	201	115	334
	%	5,39	60,18	34,43	100
Доброжелательность / Agreeableness	n	91	174	69	334
	%	27,25	52,1	20,65	100
Добросовестность / Conscientiousness	n	49	246	39	334
	%	14,67	73,65	11,68	100
Моральная нормативность / Moral Normativity	n	55	173	106	334
	%	16,47	51,8	31,73	100

Из трех шкал BAS наиболее высокий уровень выраженности обнаружен по шкале «BAS-отзывчивость на вознаграждения» (75,75 % или 253 чел.), что свидетельствует о высоком уровне чувствительности студентов к позитивным стимулам в виде различного рода словесных и материальных поощрений. Высокий уровень выраженности по шкале BIS выявился у 34,43 % (115 чел.) испытуемых.

Что касается личностных качеств, то здесь, как и ожидалось, преобладает в основном средний уровень со сдвигом либо в сторону высокого уровня, либо в сторону низкого уровня. Высокий уровень выраженности нормативности поведения продемонстрировали только 16,47 % студентов (55 чел.), средний – 51,8 % (173 чел.), 31,73 % (106 чел.) допустили в ряде случаев нарушение моральных норм.

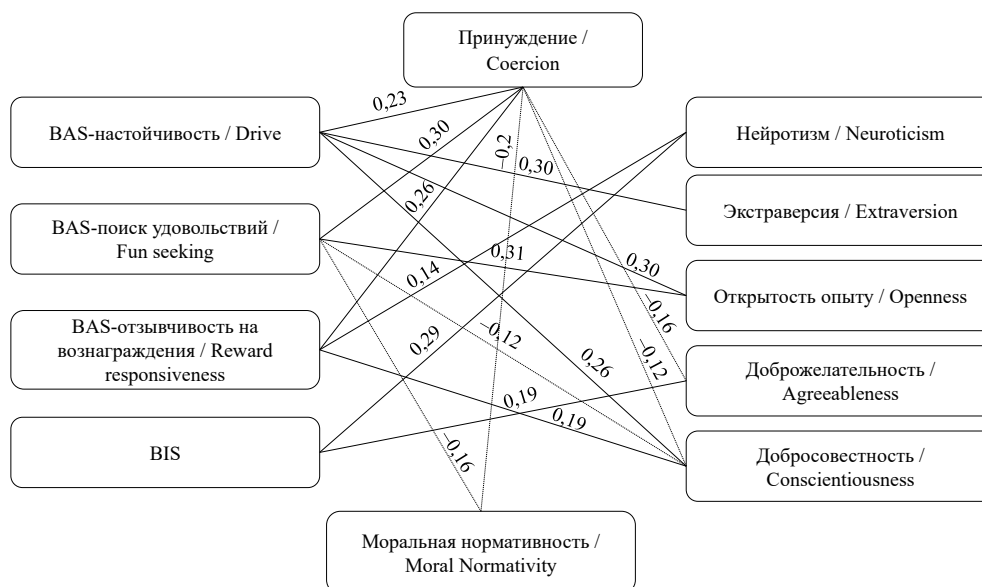
Если на основе представленных данных попытаться составить некоторый обобщенный портрет студента, то он будет выглядеть следующим образом. Это человек, способный к проявлениям настойчивости, чувствителен к награде, амбиверт, умеренно доброжелательный

и добросовестный, далеко не всегда выдержанный и открытый опыту, в ряде случаев под влиянием ситуации и обстоятельств может пренебрегать общепринятыми нормами и правилами поведения, в ходе взаимодействия предпочитает позиции ненасилия и невмешательства.

Сравнение испытуемых студентов-медиков и студентов – будущих психологов не выявило существенных различий, что дало возможность объединить медиков, психологов и педагогов-психологов в одну выборку.

Поскольку не все исследуемые параметры отвечают требованиям нормального распределения, был применен корреляционный анализ с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена со связанными рангами (r_s).

Для удобства наглядного представления и облегчения интерпретации данных результаты взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов друг с другом, а также с принуждением, манипулированием, ненасилием и невмешательством отображены в графической форме на рисунках 1–4.



Р и с 1. Взаимосвязь стратегии взаимодействия «принуждение» с нейропсихологическими и личностными факторами у студентов

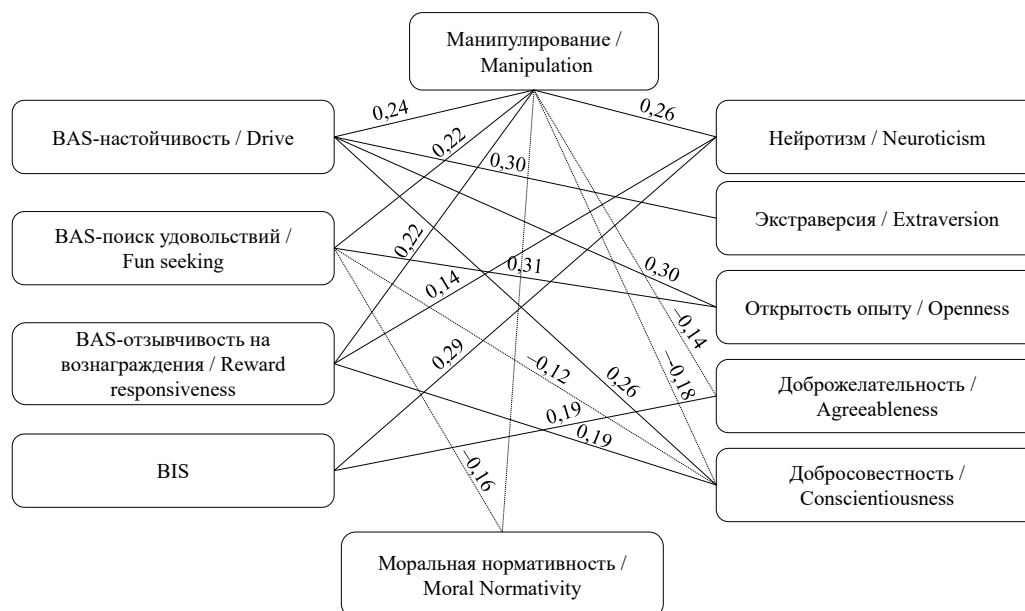
F i g. 1. Relationship between the interaction strategy “coercion” and neuropsychological and personality factors in students

Принуждение – это стратегия взаимодействия, которая допускает использование любых форм давления на личность, вплоть до проявлений агрессии, с целью достичь результата без учета желаний и стремлений противоположной стороны. Принуждение положительно связано со всеми тремя шкалами BAS (настойчивостью, поиском удовольствий и развлечений, ожиданием награды) и отрицательно – с доброжелательностью, добросовестностью и моральной нормативностью (рис. 1). В свою очередь, различные аспекты BAS положительно коррелируют с экстраверсией, открытостью опыту, добросовестностью, а BIS – с нейротизмом и доброжелательностью. Эти результаты в целом подтверждают полученные ранее данные [10; 11] о взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов «Большой пятерки», что свидетельствует о существовании некоторых общих закономерностей.

Так, в напряженной или конфликтной ситуации взаимодействия личность с высоким потенциалом достижения цели, но импульсивная, стремящаяся получить

свое, пренебрегающая желаниями людей и моральными принципами, будет отдавать предпочтение использованию различных форм принуждения. В свою очередь, использование принуждения, которое дает быстрый эффект, будет поддерживать убеждение в возможности нарушения норм, недоброжелательное отношение к людям.

Манипулирование – это скрытое принуждение, оно используется, когда человек не желает портить отношения с другими людьми, хочет выглядеть пристойно, не проявлять агрессии, в то же время ему необходимо достичь цели и добиться своего. Поэтому, используя специфические средства в виде лести, подкупа, обмана, он начинает вести иногда очень тонкую игру и добивается результатов. Выбор стратегии манипулирования (рис. 2) сходен с выбором принуждения. В то же время здесь обнаружено одно важное отличие: стратегию «манипулирование» будут выбирать люди с повышенным нейротизмом, проявляющимся в негативных переживаниях, раздражительности, эмоциональной нестабильности, тревожности и др.



Р и с. 2. Взаимосвязь стратегии взаимодействия «манипулирование» с нейропсихологическими и личностными факторами у студентов

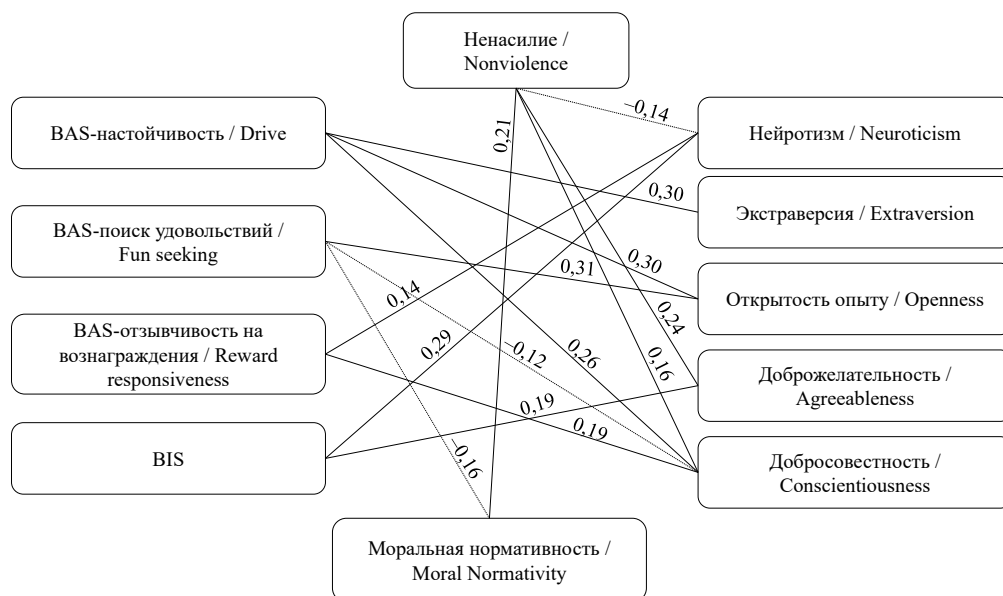
F i g. 2. Relationship between the interaction strategy “manipulation” and neuropsychological and personality factors in students

Отсюда высокая чувствительность к BAS в сочетании с недоброжелательностью и пониженной моральной нормативностью будет стимулировать стремление добиваться от других желаемого, но страх получить отпор или не достичь прямыми способами цели, в свою очередь, будет способствовать поиску безопасных стратегий, т. е. выбирать стратегию и тактику манипулирования. Как и в предыдущем случае частое использование манипулирования будет способствовать убеждению в приемлемости манипуляций, закреплять соответствующие качества личности.

Ненасилие – отказ от принуждения, стремление достичь собственных целей, не причиняя вреда противоположной стороне. Здесь задействуются такие психологические механизмы, как принятие другого, эмпатия, терпимость, доверие и др. Выбор ненасилия (рис. 3) не связан ни с системой активации поведения (BAS), ни с системой торможения поведения (BIS), все связи обнаружены с личностными качествами. В нашем случае это доброжелательность, добросовестность и моральная нормативность на фоне пониженного нейротизма. Таким образом, выбор ненасилия – это

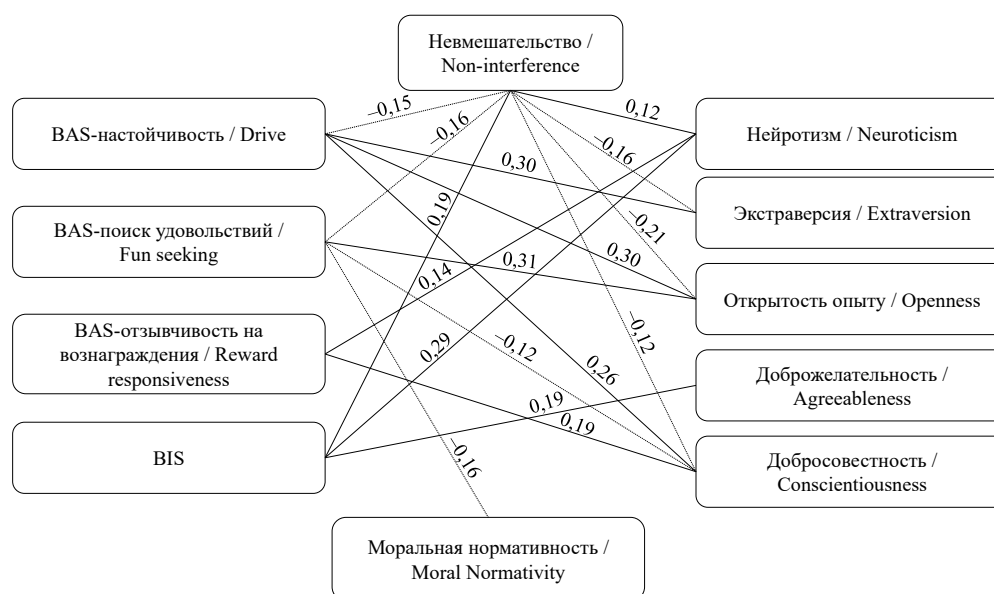
акт просоциального поведения, нередко связанного с проявлениями альтруизма, невозможностью и нежеланием личности поступиться своими моральными принципами и достигать цели, причиняя вред другим людям. Доброжелательное отношение к людям, способность в необходимости идти на уступки и компромисс, наряду с высокой моральной нормативностью, обуславливают принятие во взаимодействии позиции ненасилия. Развитие способности к решению сложных жизненных проблем без использования принуждения позитивно сказывается на становлении личности просоциального типа.

Невмешательство – это пассивная позиция и соответствующая стратегия, которая проявляется в торможении любой активности, если личность чувствует для себя хотя бы малейшую угрозу. Как видно из рисунка 4, невмешательство отрицательно коррелирует с BAS, в частности с BAS-настойчивостью и BAS-поиском удовольствий, и положительно – с BIS. Из личностных качеств невмешательство положительно связано с нейротизмом, отрицательно – с экстраверсией, открытостью опыту, добросовестностью.



Р и с. 3. Взаимосвязь стратегии взаимодействия «ненасилие» с нейропсихологическими и личностными факторами у студентов

F i g. 3. Relationship of the interaction strategy “nonviolence” with neuropsychological and personal factors in students



Р и с. 4. Взаимосвязь стратегии взаимодействия «невмешательство» с нейropsychологическими и личностными факторами у студентов

F i g. 4. Relationship between the “non-interference” interaction strategy and neuropsychological and personality factors in students

Стратегию «невмешательство» используют интроверты, испытывающие повышенную тревожность и негативные эмоции, закрытые опыту, которых отличают ограниченные интересы и консерватизм, нежелание вникать в суть дела. Любая стрессовая или требующая активности, интеллектуального напряжения ситуация воспринимается как угрожающая, в результате чего срабатывает BIS, т. е. система торможения поведения, в итоге личность не предпринимает никаких действий. Если человек привыкает в любой трудной ситуации использовать невмешательство, то постепенно оно еще в большей степени блокирует мотивацию, связанную с открытостью новому, усиливает тревожность, обусловленную тем, что индивид не предпринимает активных действий.

Таким образом, выбор студентами различных стратегий взаимодействия оказался связанным с разным сочетанием нейropsychологических и личностных факторов. BAS в сочетании с низким уровнем выраженности определенных качеств будет способствовать выбору принуждения или манипулирования, BIS в сочетании

с определенными качествами – выбору невмешательства. Выбор ненасилия может осуществляться при активации разных систем, ведущую роль здесь играют не BAS или BIS, а личностные характеристики, связанные с высокой моральной нормативностью, доброжелательностью и добросовестностью (способностью к самоконтролю).

Обсуждение и заключение

Полученные в настоящем исследовании результаты подтвердили имеющиеся в психологии данные о взаимосвязи нейropsychологических и личностных факторов, входящих в «Большую пятерку» [10; 11], ненасилия с доброжелательностью [9], низкой нормативности поведения, низкой доброжелательности и низкой добросовестности с выбором стратегии принуждения [39], высокого уровня нормативности и высокого уровня доброжелательности с выбором стратегии ненасилия [40].

Однако некоторые результаты не подтвердились. Например, в работе К. А. Влодарской с соавторами [26] утверждается, что манипулирование не связано с BAS/



BIS. В настоящем исследовании такая связь была выявлена со всеми тремя шкалами BAS, как это обнаружено относительно стратегии принуждения. В ряде работ, посвященных изучению отдельных ненасильственных действий, наоборот, отмечается наличие связи с BAS/BIS отдельных ненасильственных действий [27; 28], что не было выявлено в данном исследовании.

В результате проведенного исследования получены данные, позволяющие в сравнении понять особенности взаимосвязи нейропсихологических и личностных факторов с выбором студентами в процессе взаимодействия различных стратегий, что и определило его новизну.

Было установлено, что высокий уровень активации поведения при низкой доброжелательности, добросовестности и моральной нормативности чаще всего связан с выбором стратегии принуждения, а если к этому добавляется нейротизм, то возрастает вероятность использования манипулирования. Привычка использовать принуждение или манипулирование для своих целей будет способствовать закреплению низкой доброжелательности и добросовестности, убежденности в возможности нарушения моральных норм и правил.

Выбор ненасилия не обнаружил взаимосвязи с системами активации и торможения поведения (BAS/BIS), в то же время выявлены статистически значимые связи с личностными характеристиками человека, в частности с доброжелательностью, добросовестностью, моральной нормативностью, низким нейротизмом. Справедливо и обратное утверждение: развитие навыков решать проблемы ненасильственным способом создает благоприятные предпосылки для формирования соответствующих позитивных личностных качеств.

Выбор невмешательства в качестве стратегии взаимодействия связан с низкой чувствительностью к BAS при высокой чувствительности к BIS, с нейротизмом, интроверсией, низкой открытостью опыту и низкой добросовестностью. Привычка реагировать на трудную ситуацию

уходом или невмешательством усиливает переживание отрицательных эмоций, блокирует мотивацию, связанную с освоением нового, снижает уровень добросовестности.

Таким образом, выдвинутые гипотезы подтвердились, кроме предположения о возможной взаимосвязи ненасилия с BAS/BIS и взаимосвязи стратегии невмешательства с низким уровнем нормативности поведения.

Если связь BAS с принуждением и манипулированием, а связь BIS с невмешательством очевидна и не нуждается в особых комментариях, то связь ненасилия с указанными нейропсихологическими характеристиками является дискуссионной. В ряде работ убедительно доказывается, что выбор ненасилия связан с духовными, а не с нейропсихологическими факторами [9; 41]. Под духовностью понимается вера в Бога. В светском варианте это будет звучать как приверженность личности просоциальным ценностям, ориентация на соблюдение норм и правил поведения. В настоящем исследовании было доказано, что выбор ненасилия тесно связан с высоким уровнем доброжелательности, добросовестности и моральной нормативности поведения. Следовательно, выбор ненасилия может осуществлять индивид с различными уровнями BAS/BIS, но поддерживающий ценности ненасилия, добросовестный, доброжелательный, соблюдающий нормы и правила поведения.

Не подтвердилась и гипотеза относительно наличия отрицательной связи нормативности поведения со стратегией невмешательства. Это позволяет сделать вывод о том, что позицию невмешательства могут занимать студенты с различным уровнем нормативности поведения.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, наблюдается явный дисбаланс испытуемых по полу: мужчин – 18 %, женщин – 82 %, что отражает общую тенденцию, характерную для России, о преобладании в медицинских вузах и университетах, готовящих психологов, педагогов-психологов, женщин. Во-вторых, большинство контингента испытуемых составили студенты младших



курсов, что внесло также свою специфику. В-третьих, полученные результаты целесообразно было бы сравнить с результатами обследования работающих медиков, психологов, педагогов-психологов.

Эти ограничения, на наш взгляд, не снижают общей ценности проведенного исследования, которое вносит определенный вклад в понимание взаимосвязи нейрорепсихологических и личностных факторов с выбором людьми, в нашем случае студентами, различных стратегий, связанных с использованием принуждения или ненасилия.

В практическом отношении полученные результаты дают возможность разрабатывать специальные программы, направленные на развитие способности к выбору стратегии ненасилия, позитивного отношения к людям (эмпатии,

доброжелательности, доверия, терпимости) и на овладение навыками самоконтроля, которые сдерживают агрессивные наклонности или стремление манипулировать людьми.

Перспективы дальнейшего исследования касаются расширения контингента испытуемых в первую очередь включения сюда не только обучающихся, но и работающих специалистов, а также выявления всего комплекса факторов, так или иначе связанных с принятием названных позиций взаимодействия и использованием соответствующих им стратегий.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе подготовки студентов соответствующих направлений и специальностей, а также в работе кураторов групп, психологической службы вуза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Peace Psychology for a Peaceful World / D. J. Christie [et al.] // *American Psychologist*. 2008. Vol. 63, issue 6. P. 540–552. doi: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.6.540>
2. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Психология ненасилия: проблематика исследований и перспективы развития // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019. Т. 19, № 2. С. 195–215. doi: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.195-215>
3. Nielsen R., Marrone J. A. Humility: Our Current Understanding of the Construct and its Role in Organizations [Electronic resource] // *International Journal of Management Reviews*. 2018. Vol. 20, issue 4. P. 805–824. doi: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12160>
4. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Характеристика позиций взаимодействия как форм выражения ценностей принуждения или ненасилия // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 1. С. 131–146. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2017.1.9>
5. Orazbayeva K. O. Professional Competence of Teachers in the Age of // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11, no. 9. P. 2659–2672. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1114610.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
6. Кухтова Н. В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи // *Психология человека в образовании*. 2021. Т. 3, № 3. С. 273–287. doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287>
7. Wacker R., Dziobek I. Preventing Empathic Distress and Social Stressors at Work Through Nonviolent Communication Training: A Field Study with Health Professionals // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2018. Vol. 23, issue 1. P. 141–150. doi: <https://doi.org/10.1037/ocp0000058>
8. Особенности эмоционального интеллекта и эмпатических способностей у студентов медицинского вуза / М. В. Ветлужская [и др.] // *Интеграция образования*. 2019. Vol. 23, № 3. С. 404–422. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.404-422>
9. Ashraf R., Fatima I. Role of Personality and Spirituality in Nonviolent Behavior in Young Adults // *Journal of Behavioural Sciences*. 2014. Vol. 24, issue 1. P. 57–70.
10. Smits D. J. M., Boeck P. D. From BIS/BAS to the Big Five // *European Journal of Personality*. 2006. Vol. 20, issue 4. P. 255–270. doi: <https://doi.org/10.1002/per.583>



11. An Analysis of Reinforcement Sensitivity Theory and the Five-Factor Model / J. T. Mitchell [et al.] // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21, issue 7. P. 869–887. doi: <https://doi.org/10.1002/per.644>
12. Morris A., Cushman F. A Common Framework for Theories of Norm Compliance // *Social Philosophy and Policy*. 2018. Vol. 35, issue 1. P. 101–127. doi: <https://doi.org/10.1017/S0265052518000134>
13. Пащенко А. К. Структурно-диалектический подход к пониманию проблемы нормативного поведения личности // *Филология и культура*. 2012. № 3 (29). С. 299–304. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-dialekticheskiy-podhod-k-ponimaniyu-problemy-normativnogo-povedeniya-lichnosti/viewer> (дата обращения 01.12.2021).
14. Bagnoli C. The Sources and Stances of Moral Normativity // *Etica & Politica / Ethics & Politics*, XXIII. 2021. No. 2. P. 397–414. doi: <https://doi.org/10.13137/1825-5167/32392>
15. Individual Factors Influencing Effective Nonviolent Behavior and Fighting in Peer Situations: A Qualitative Study with Urban African American Adolescents / A. D. Farrell [et al.] // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2008. Vol. 37, issue 2. P. 397–411. doi: <https://doi.org/10.1080/15374410801955821>
16. Farrell A. D., Bettencourt A. F. Adolescents' Appraisal of Responses to Problem Situations and Their Relation to Aggression and Nonviolent Behavior // *Psychology of Violence*. 2020. Vol. 10, issue 3. P. 312–323. doi: <https://doi.org/10.1037/vio0000261>
17. Patterns of Parental Messages Supporting Fighting and Nonviolence among Urban Middle School Students / K. E. O'Connor [et al.] // *Journal of Research on Adolescence*. 2020. Vol. 30, issue 4. P. 913–927. doi: <https://doi.org/10.1111/jora.12570>
18. Макаренко О. В., Богомаз С. А. Личностные особенности студентов-психологов, склонных к манипулированию // *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 286. С. 105–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11992428> (дата обращения: 02.01.2022).
19. Maralov V. G., Sitarov V. A., Romanyuk L. V. Interaction Positions among Medical Students and Students Trained as Educators and Psychologists // *International Journal of Pharmaceutical Research & Allied Sciences*. 2019. Vol. 8, issue 2. P. 35–47. URL: <https://clck.ru/iWdKS> (дата обращения: 01.12.2021).
20. Психологические профили студентов, склонных к принуждению (манипулированию), насилию и невмешательству / В. Г. Маралов [и др.] // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 1 (43). С. 282–301. doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.20>
21. Голдберг Л. Р., Шмелев А. Г. Межкультурное исследование лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках // *Психологический журнал*. 1993. Т. 14, № 4. С. 32–39.
22. Corr P. J., McNaughton N. Neuroscience and Approach/Avoidance Personality Traits: A Two Stage (Valuation-Motivation) Approach // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2012. Vol. 36, issue 10. P. 2339–2354. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.09.013>
23. Carlson S. R., Pritchard A. A., Dominelli R. M. Externalizing Behavior, the UPPS-P Impulsive Behavior Scale and Reward and Punishment Sensitivity // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54, issue 2. P. 202–207. doi: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.08.039>
24. Krupić D. High BAS and Low BIS in Overconfidence, and Their Impact on Motivation and Self-Efficacy after Feedback // *Primenjena psihologija*. 2017. Vol. 10, no. 3. P. 297–312.
25. Kimbrel N. A., Nelson-Gray R. O., Mitchell J. T. BIS, BAS, and Bias: The Role of Personality and Cognitive Bias in Social Anxiety // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52, issue 3. P. 395–400. doi: <https://doi.org/10.1016/J.PAID.2011.10.041>
26. The Dark Triad and BIS/BAS: A Meta-Analysis / K. A. Włodarska [et al.] // *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. 2021. Vol. 40, issue 11. P. 5349–5357. doi: <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00467-8>
27. Guo S., Lim L. S., Bentley P. J. Teams Frightened of Failure Fail More: Modelling Reward Sensitivity in Teamwork // *2020 IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI)*. 2020. P. 109–116. doi: <https://doi.org/10.1109/SSCI47803.2020.9308533>
28. Pourmohseni K. F. The Relation between Behavioral-Brain Systems Activity with Forgiveness and Marital Satisfaction in Couples // *Contemporary Psychology*. 2014. Vol. 8, no. 2. P. 17–26. URL: <https://www.sid.ir/en/journal/ViewPaper.aspx?id=376430> (дата обращения: 02.01.2022).
29. House B. R. How Do Social Norms Influence Prosocial Development? // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 20. P. 87–91. doi: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.08.011>
30. Kondo T. Some Notes on Rational Behavior, Normative Behavior, Moral Behavior, and Cooperation // *Journal of Conflict Resolution*. 1990. Vol. 34, issue 3. P. 495–530. doi: <https://doi.org/10.1177/0022002790034003006>



31. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Александрович М. О. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 116–138. doi: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>
32. Krahé B., Möller I. Links between Self-Reported Media Violence Exposure and Teacher Ratings of Aggression and Prosocial Behavior among German Adolescents // Journal of Adolescence. 2011. Vol. 34, issue 2. P. 279–287. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.05.003>
33. Jung J., Schröder-Abé M. Prosocial Behavior as a Protective Factor against Peers' Acceptance of Aggression in the Development of Aggressive Behavior in Childhood and Adolescence // Journal of Adolescence. 2019. Vol. 74, issue 1. P. 146–153. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.06.002>
34. Dymnicki A. B., Antônio T., Henry D. V. Levels and Growth of Specific and General Norms for Nonviolence among Middle School Students // Journal of Adolescence. 2011. Vol. 34, issue 5. P. 965–976. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.11.012>
35. Маралов В. Г., Ситаров В. А. Разработка диагностического опросника по выявлению позиций взаимодействия у студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 167–177. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2018.1.13>
36. Бурлачук Л. Ф., Королёв Д. К. Адаптация опросника для диагностики пяти факторов личности // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 126–134. URL: https://lib.iitta.gov.ua/707228/1/korolyov_lokator_bolshoy_pyatyerki.PDF (дата обращения: 01.12.2021).
37. Carver C., White T. Behavioral Inhibition, Behavioral Activation, and Affective Responses to Impending Reward and Punishment: The BIS/BAS Scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67, issue 2. P. 319–333. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.2.319>
38. Активация и торможение поведения как основа индивидуальных различий / Г. Г. Князев [и др.] // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 4. С. 28–40.
39. Using Bayesian Methods to Update and Expand the Meta-Analytic Evidence of the Five-Factor Model's Relation to Antisocial Behavior / C. E. Vize [et al.] // Clinical Psychology Review. 2019. Vol. 67. P. 61–77. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2018.09.001>
40. Peace and Personality: The Relationship between the Five-Factor Model's Personality Traits and the Peace Attitude Scale / M. Cavarra [et al.] // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2021. Vol. 27, issue 3. P. 508–511. doi: <https://doi.org/10.1037/pac0000484>
41. Sarkar A., Garg N. A Multilevel Model Exploring the Relationships between Individual Spirituality, Spiritual Climate, and Nonviolent Work Behavior // Conflict Resolution Quarterly. 2021. Vol. 38, issue 3. P. 209–229. doi: <https://doi.org/10.1002/crq.21298>

Поступила 09.12.2021; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 25.03.2022.

Об авторах:

Маралов Владимир Георгиевич, профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5), доктор психологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, Scopus ID: 57128513900, Researcher ID: X-5925-2018, vgmaralov@yandex.ru

Кудака Марина Александровна, заведующий кафедрой психологии Череповецкого государственного университета (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5), кандидат психологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>, Scopus ID: 57204363267, Researcher ID: V-2277-2018, kydakam@mail.ru

Смирнова Ольга Валериевна, доцент кафедры психологии Череповецкого государственного университета (162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5), кандидат психологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>, novale@inbox.ru

Ситаров Вячеслав Алексеевич, профессор департамента педагогики Московского городского педагогического университета (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1), доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8426-7487>, Scopus ID: 6504289657, sitarov@mail.ru

Корягина Ирина Ивановна, доцент кафедры гуманитарных наук Ивановской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения Российской Федерации (153012, Российская Федерация, г. Иваново, Шереметевский пр-т, д. 8), кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7821-6819>, Scopus ID: 57207467561, Researcher ID: G-9740-2019, koryaginairina@mail.ru



Романюк Лариса Валерьевна, профессор кафедры педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета (111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5), доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2764-8205>, Scopus ID: 57216297268, lora1408@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. Г. Маралов – формулирование основной концепции исследования; разработка методологии исследования; подбор диагностического инструментария; вторичная обработка результатов; подготовка выводов и окончательного варианта текста статьи.

М. А. Кудака – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Череповецкого государственного университета; подготовка первичного варианта текста статьи.

О. В. Смирнова – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Череповецкого государственного университета; подготовка первичного варианта текста статьи.

В. А. Ситаров – участие в разработке методологии исследования, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Московского городского педагогического университета; подготовка окончательного варианта статьи.

И. И. Корягина – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Ивановской медицинской академии; подготовка первичного варианта текста статьи.

Л. В. Романюк – участие в анализе литературы, сборе и первичной обработке результатов на контингенте студентов Московского гуманитарного университета; подготовка окончательного варианта статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Christie D.J., Tint B.S., Wagner R.V., Winter D.D. Peace Psychology for a Peaceful World. *American Psychologist*. 2008;63(6):540–552. doi: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.6.540>
2. Maralov V.G., Sitarov V.A. Non-Violence Psychology: Problems of Researches and Prospects of Development. *Russian Journal of the Humanities*. 2019;19(2):195–215. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.195-215>
3. Nielsen R., Marrone J.A. Humility: Our Current Understanding of the Construct and its Role in Organizations. *International Journal of Management Reviews*. 2018;20(4):805–824. doi: <https://doi.org/10.1111/ijmr.12160>
4. Maralov V.G., Sitarov V.A. Characteristic of Interaction Strategies as Forms of Expressing the Values of Compulsion or Non-Coercion. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2017;(1):131–146. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17805/zpu.2017.1.9>
5. Orazbayeva K.O. Professional Competence of Teachers in the Age of Globalization. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;11(9):2659–2672. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1114610.pdf> (accessed 20.09.2021).
6. Kukhtova N.V. Structural Components of the Prosocial Personality of Assistance-Oriented Professionals. *Psychology in Education*. 2021;3(3):273–287. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-3-273-287>
7. Wacker R., Dziobek I. Preventing Empathic Distress and Social Stressors at Work through Nonviolent Communication Training: A Field Study with Health Professionals. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2018;23(1):141–150. doi: <https://doi.org/10.1037/ocp0000058>
8. Vetluzhskaya M.V., Abramova A.A., Serdakova K.G., Bykova E.E., Khammatova R.S., Shurupova R.V. Characteristics of Emotional Intelligence and Empathic Abilities in Medical Students. *Integration of Education*. 2019;23(3):404–422. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.096.023.201903.404-422>
9. Ashraf R.I., Fatima I. Role of Personality and Spirituality in Nonviolent Behavior in Young Adults. *Journal of Behavioural Sciences*. 2014;24(1):57–70.

10. Smits D.J.M., Boeck P.D. From BIS/BAS to the Big Five. *European Journal of Personality*. 2006;20(4):255–270. doi: <https://doi.org/10.1002/per.583>
11. Mitchell J.T., Kimbrel N.A., Hundt N.E. et al. An Analysis of Reinforcement Sensitivity Theory and the Five-Factor Model. *European Journal of Personality*. 2007;21(7):869–887. doi: <https://doi.org/10.1002/per.644>
12. Morris A., Cushman F. A Common Framework for Theories of Norm Compliance. *Social Philosophy and Policy*. 2018;35(1):101–127. doi: <https://doi.org/10.1017/S0265052518000134>
13. Pashchenko A.K. Structural-Dialectic Approach to Understanding the Normative Behavior of a Person. *Philology and Culture*. 2012;(3):299–304. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-dialekticheskiy-podhod-k-ponimaniyu-problemy-normativnogo-povedeniya-lichnosti/viewer> (accessed 01.12.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Bagnoli C. The Sources and Stances of Moral Normativity. *Etica & Politica / Ethics & Politics*, XXIII. 2021;(2):397–414. doi: <https://doi.org/10.13137/1825-5167/32392>
15. Farrell A.D., Erwin E.H., Bettencourt A., Mays S., Vulin-Reynolds M., Sullivan T., Allison K.W., Kliever W., Meyer A. Individual Factors Influencing Effective Nonviolent Behavior and Fighting in Peer Situations: A Qualitative Study with Urban African American Adolescents. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2008;37(2):397–411. doi: <https://doi.org/10.1080/15374410801955821>
16. Farrell A.D., Bettencourt A.F. Adolescents' Appraisal of Responses to Problem Situations and Their Relation to Aggression and Nonviolent Behavior. *Psychology of Violence*. 2020;10(3):312–323. doi: <https://doi.org/10.1037/vio0000261>
17. O'Connor K.E., Coleman J.N., Farrell A.D., Sullivan T.N. Patterns of Parental Messages Supporting Fighting and Nonviolence among Urban Middle School Students. *Journal of Research on Adolescence*. 2020;30(4):913–927. doi: <https://doi.org/10.1111/jora.12570>
18. Makarenko O.V., Bogomaz S.A. [Personal Peculiarity of Students-Psychologists Inclined to Manipulation by the Other People]. *Tomsk State University Journal*. 2005;(286):105–109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11992428> (accessed 02.01.2022). (In Russ.)
19. Maralov V.G., Sitarov V.A., Romanyuk L.V. Interaction Positions among Medical Students and Students Trained as Educators and Psychologists. *International Journal of Pharmaceutical Research & Allied Sciences*. 2019;8(2):35–47. Available at: <https://elck.ru/iWdKS> (accessed 01.12.2021).
20. Maralov V.G., Sitarov V.A., Maralova T.P., Romanyuk L.V. Psychological Profiles of Students Prone to Coercion (Manipulation), Non-Violence and Non-Intervention. *Perspectives of Science and Education*. 2020;(1):282–301. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.20>
21. Goldberg L.R., Shmelev A.G. [Intercultural Study of the Names of Personality Traits: Big Five Factors in English and Russian]. *Psychological Journal*. 1993;14(4):32–39. (In Russ.)
22. Corr P.J., McNaughton N. Neuroscience and Approach/Avoidance Personality Traits: A Two Stage (Valuation-Motivation) Approach. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2012;36(10):2339–2354. doi: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.09.013>
23. Carlson S.R., Pritchard A.A., Dominelli R.M. Externalizing Behavior, the UPPS-P Impulsive Behavior Scale and Reward and Punishment Sensitivity. *Personality and Individual Differences*. 2013;54(2):202–207. doi: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.08.039>
24. Krupić D. High BAS and Low BIS in Overconfidence, and Their Impact on Motivation and Self-Efficacy after Feedback. *Primenjena psihologija*. 2017;10(3):297–312. doi: <https://doi.org/10.19090/pp.2017.3.297-312>
25. Kimbrel N.A., Nelson-Gray R.O., Mitchell J.T. BIS, BAS, and Bias: The Role of Personality and Cognitive Bias in Social Anxiety. *Personality and Individual Differences*. 2012;52(3):395–400. doi: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.10.041>
26. Włodarska K.A., Zyskowska E., Terebus M.K., Rogoza R. The Dark Triad and BIS/BAS: A Meta-Analysis. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. 2021;40(11):5349–5357. doi: <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00467-8>
27. Guo S., Lim L.S., Bentley P.J. Teams Frightened of Failure Fail More: Modelling Reward Sensitivity in Teamwork. In: 2020 IEEE Symposium Series on Computational Intelligence (SSCI). 2020. p. 109–116. doi: <https://doi.org/10.1109/SSCI47803.2020.9308533>
28. Pourmohseni K.F. The Relation between Behavioral-Brain Systems Activity with Forgiveness and Marital Satisfaction in Couples. *Contemporary Psychology*. 2014;8(2):17–26. Available at: <https://www.sid.ir/en/journal/ViewPaper.aspx?id=376430> (accessed 02.01.2022).



29. House B.R. How Do Social Norms Influence Prosocial Development? *Current Opinion in Psychology*. 2018;20:87–91. doi: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.08.011>
30. Kondo T. Some Notes on Rational Behavior, Normative Behavior, Moral Behavior, and Cooperation. *Journal of Conflict Resolution*. 1990;34(3):495–530. doi: <https://doi.org/10.1177/0022002790034003006>
31. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Aleksandrovich M.O. Moral Grounds and Social Norms of Safe Prosocial Behaviour of Young People. *The Education and Science Journal*. 2020;22(10):116–138. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-10-116-138>
32. Krahé B., Möller I. Links between Self-Reported Media Violence Exposure and Teacher Ratings of Aggression and Prosocial Behavior among German Adolescents. *Journal of Adolescence*. 2011;34(2):279–287. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.05.003>
33. Jung J., Schröder-Abé M. Prosocial Behavior as a Protective Factor against Peers' Acceptance of Aggression in the Development of Aggressive Behavior in Childhood and Adolescence. *Journal of Adolescence*. 2019;74(1):146–153. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.06.002>
34. Dymnicki A.B., Antônio T., Henry D.B. Levels and Growth of Specific and General Norms for Nonviolence among Middle School Students. *Journal of Adolescence*. 2011;34(5):965–976. doi: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.11.012>
35. Maralov V.G., Sitarov V.A. The Development of a Diagnostic Questionnaire Revealing the Interaction Positions of Students Specialising in Psychological and Pedagogical Assistance. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2018;(1):167–177. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.1.13>
36. Burlachuk L.F., Korolev D.K. [Adaptation of the Big Five Locator Scale]. *Voprosy psikhologii*. 2000;(1):126–134. Available at: https://lib.iitta.gov.ua/707228/1/korolyov_lokator_bolshoy_pyatyerki.PDF (accessed 01.12.2021). (In Russ.)
37. Carver C., White T. Behavioral Inhibition, Behavioral Activation, and Affective Responses to Impending Reward and Punishment: The BIS/BAS Scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;67(2):319–333. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.67.2.319>
38. Knyazev G.G., Slobodskaya E.R., Savostyanov A.N., Ryabichenko T.I., Shushlebina O.A., Levin E.A. [Activation and Inhibition of Behavior as the Basis of Individual Differences]. *Psychological Journal*. 2004;25(4):28–40. (In Russ.)
39. Vize C.E., Collison K.L., Miller J.D., Lynam D.R. Using Bayesian Methods to Update and Expand the Meta-Analytic Evidence of the Five-Factor Model's Relation to Antisocial Behavior. *Clinical Psychology Review*. 2019;67:61–77. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2018.09.001>
40. Cavarra M., Canegallo V., Santoddi E., Broccoli E., Fabio R. A. Peace and Personality: The Relationship between the Five-Factor Model's Personality Traits and the Peace Attitude Scale. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021;27(3):508–511. doi: <https://doi.org/10.1037/pac0000484>
41. Sarkar A., Garg N. A Multilevel Model Exploring the Relationships between Individual Spirituality, Spiritual Climate, and Nonviolent Work Behavior. *Conflict Resolution Quarterly*. 2021;38(3):209–229. doi: <https://doi.org/10.1002/crq.21298>

Submitted 09.12.2021; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 25.03.2022.

About the authors:

Vladimir G. Maralov, Professor of the Chair of Psychology, Cherepovets State University (5 Prospekt Lunacharskogo, Cherepovets 162600, Russian Federation), Dr.Sci. (Psychol.), Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, **Scopus ID:** 57128513900, **Researcher ID:** X-5925-2018, vgmaralov@yandex.ru

Marina A. Kudaka, Head of the Chair of Psychology, Cherepovets State University (5 Prospekt Lunacharskogo, Cherepovets 162600, Russian Federation), Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-0352-390X>, **Scopus ID:** 57204363267, **Researcher ID:** V-2277-2018, kydakam@mail.ru

Olga V. Smirnova, Associate Professor of the Chair of Psychology, Cherepovets State University (5 Prospekt Lunacharskogo, Cherepovets 162600, Russian Federation), Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3659-1626>, novale@inbox.ru

Viacheslav A. Sitarov, Professor of the Pedagogy Department, Moscow City University (4-1 2 Selskokhozyaystvennyy Proyezd, Moscow 129226, Russian Federation), Dr.Sci. (Ped.), Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8426-7487>, **Scopus ID:** 6504289657, sitarov@mail.ru

Irina I. Koryagina, Associate Professor of the Chair of Humanities, Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (8 Sheremetevskiy Prospekt, Ivanovo 153012, Russian Federation), Cand.Sci. (Ped.), Associate Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7821-6819>, **Scopus ID:** [57207467561](https://orcid.org/0000-0002-7821-6819), **Researcher ID:** [G-9740-2019](https://orcid.org/0000-0002-7821-6819), koryaginairina@mail.ru

Larisa V. Romanyuk, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology of Higher School, Moscow University for the Humanities (5 Yunosti St., Moscow 111395, Russian Federation), Dr.Sci. (Ped.), Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2764-8205>, **Scopus ID:** [57216297268](https://orcid.org/0000-0003-2764-8205), lora1408@mail.ru

Contribution of the authors:

V. G. Maralov – formulation of the basic concept of research; development of research methodology; selection of diagnostic tools; secondary processing of results; preparation of conclusions and the final version of the article.

M. A. Kudaka – participation in the analysis of literature, collection and primary processing of results on the contingent of students of Cherepovets State University; preparation of the primary version of the article.

O. V. Smirnova – participation in the analysis of literature, collection and primary processing of results on the contingent of students of Cherepovets State University; preparation of the primary version of the article.

V. A. Sitarov – participation in the development of research methodology; collection and primary processing of results on the contingent of students of the Moscow City Pedagogical University; preparation of the final version of the article.

I. I. Koryagina – participation in the analysis of literature, collection and primary processing of results on the contingent of students of the Ivanovo Medical Academy; preparation of the primary version of the article.

L. V. Romanyuk – participation in the analysis of literature, collection and primary processing of results on the contingent of students of the Moscow University for the Humanities; preparation of the final version of the article.

All authors have read and approved the final manuscript.